

УДК 343.13

**СУЩНОСТЬ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
И ЕЕ СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*****Нина Сергеевна Манова**

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

n.manova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность транспарентности уголовного судопроизводства и ее качественные характеристики, исследуются аспекты влияния транспарентности на реализацию уголовно-процессуальной деятельности. Автор приходит к выводу, что транспарентность находится во взаимосвязи с проблемами достижения социального назначения уголовного процесса, поскольку предполагает не только прозрачность и подотчетность деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, но и уважение интересов и свобод участников уголовного процесса, основанных на базовых международных стандартах в области прав человека, а также справедливость уголовно-процессуальных процедур, обеспечивающих достижение баланса интересов личности, общества и государства. Вместе с тем сущность транспарентности уголовного судопроизводства более глобальна, так как, кроме прозрачности правосудия, она включает в себя его другие приоритетные публично-правовые ценности и в силу этого должна выступать в качестве одной из основополагающих идей данного вида государственной деятельности, ее «идеологической и технологической» основы. Создание точно выверенной модели транспарентности и ее реализация в уголовно-процессуальном законодательстве позволит изменить саму модель развития уголовного судопроизводства.

В статье также анализируется готовность к реализации транспарентности отечественного уголовного процесса в условиях информатизации, цифровизации и цифровой трансформации. И, несмотря на то что в настоящий момент в теории уголовного процесса, информационного права и, как следствие, у законодателя отсутствует единое понимание сущности таких процессов, как цифровизация, цифровая трансформация, данные процессы из «дискуссионной проблемы науки» стали пока скромной, но все же реальной осущестления уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: транспарентность уголовного судопроизводства, гласность судебного разбирательства, тайна предварительного следствия, социальное назначение уголовного процесса, баланс интересов личности, общества и государства, цифровизация уголовно-процессуальной деятельности

Для цитирования: Манова Н. С. Сущность транспарентности уголовного судопроизводства и ее системные характеристики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 75—82.

**THE ESSENCE OF CRIMINAL PROCEDURE TRANSPARENCY
AND ITS SYSTEM CHARACTERISTICS****Nina Sergeevna Manova**

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, n.manova@mail.ru

Abstract. The article regards the essence of criminal procedure transparency and its qualitative characteristics, looks into the ways of transparency influence on the implementation of criminal procedure activity. The author concludes that transparency is interrelated with the matters of achieving the social purpose of criminal procedure, as transparency includes not only the clarity and accountability of activities of competent state agencies and public officials, but also respect to the criminal procedure participants' interests and liberties grounded in basic international standards of human rights, as well as criminal procedure justice ensuring the balance in achieving the personal, social and state interests. Moreover, the essence of criminal procedure transparency

© Манова Н. С., 2025

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190 (<https://rscf.ru/project/25-28-01190/>).

is more global in nature, because together with the transparency of justice it involves its other paramount public and legal values, thus, turning into one of the fundamental ideas of this kind of state activity, its "ideological and technological" ground. Making a highly verified transparency model and using it in criminal procedure is likely to transform the whole model of criminal procedure development.

The paper also examines the readiness of Russian criminal procedure to implement transparency in terms of computerization, digitalization and digital transformation. Despite the absence of common views upon the essence of these processes in criminal procedure theory, information law and as a result among the law-makers, however, the processes are gradually growing from an "issue under question in science" to still modest reality of criminal procedure implementation.

Keywords: criminal procedure transparency, trial publicity, the secrecy of the preliminary investigation, the social purpose of criminal procedure, the balance of personal, social and state interests, criminal procedure activity digitalization

For citation: Manova N. S. The essence of criminal procedure transparency and its system characteristics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 75—82, 2025. (In Russ.).

В общеупотребительном значении под термином «транспарентность» (от лат. *transparens* — «прозрачный») принято подразумевать нечто, не содержащее секретов и недомолвок [1, с. 1339]. В философской литературе транспарентность определяется как свойство субъекта быть осознанным и открытым для самого себя и происходящего вокруг [2, с. 402]. В юридических исследованиях явление транспарентности рассматривается как информационная открытость различных видов государственной деятельности, власти в целом, предоставляющая возможность общественности, гражданам осуществлять контроль за публичной деятельностью государственных органов [3; 4; 5, с. 2; 6, с. 109—114], как доступность соответствующей информации, позволяющей защитить интересы общества [7, с. 111—115; 8, с. 3—4].

Тем самым сущность транспарентности заключается в открытости, доступности того или иного вида государственной деятельности, регулируемой правом, которые обеспечиваются путем передачи широкой общественности, отдельным гражданам информации о соответствующей деятельности органов власти. При этом, как справедливо отмечают многие ученые, для четкого воплощения идеи транспарентности необходимо, чтобы информация была понятной, своевременной, достоверной и достаточной [9, с. 240; 10, с. 120—132]. Именно данные характеристики очерчивают облик транспарентности в сфере юридической деятельности.

Применительно к уголовному судопроизводству категория «транспарентность» напрямую связывается с понятиями «гласность», «открытость» производства по уголовным делам [11, с. 142—152]. Так, профессор А. А. Тарасов определяет транспарентность уголовного судопроизводства как «систему нормативно закрепленных правил, обеспечи-

вающих любому заинтересованному лицу возможность получить информацию о производстве по уголовному делу в том объеме и в той форме, которая... позволяет этому лицу реализовать собственные конституционные права и свободы, но при этом не допускает необоснованного нарушения или ограничения конституционных прав и свобод других лиц» [12, с. 19]. М. С. Колосович похожим образом определяет гласность уголовного судопроизводства, указывая, что она представляет собой «регламентированную уголовно-процессуальным законодательством доступность каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства... способствующую... качеству деятельности должностных лиц правоохранительных и судебных органов» [13, с. 12].

С учетом того, что гласность провозглашается уголовно-процессуальным законом лишь как общее условие судебного разбирательства, пытаясь провести разграничение между понятиями «гласность» и «транспарентность» уголовного судопроизводства, оба автора говорят о том, что транспарентность охватывает «открытость не только судебного производства по уголовным делам, но и доступность для восприятия заинтересованными лицами информации о досудебном производстве» [12, с. 19; 13, с. 13]. Кроме того, по мнению А. А. Тарасова, транспарентность уголовного судопроизводства, кроме «прозрачности правосудия», включает в себя его «другие приоритетные публично-правовые ценности: независимость судей, презумпцию невиновности, следственную, адвокатскую и иную охраняемую законом тайну» [13, с. 16].

М. С. Колосович, указывая на схожесть рассматриваемых правовых явлений, характеризующих степень информированности общественности и участников уголовного судопроизводства, отме-

чает, что разница между ними заключается в дозировке такой информации и ее характере: «гласность позволяет получать информацию о ходе и результатах уголовного судопроизводства, а транспарентность — о функционировании правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц» [13, с. 16], подчеркивая, что «адресатом транспарентности выступает общество, широкая общественность... каждый, кто интересуется общественно значимой информацией» [10, с. 123]. Но есть и иной вид информированности, так называемая «внутренняя транспарентность», т. е. «получение информации о деятельности соответствующих органов государственной власти лицами, являющимися участниками общественных отношений, чьи непосредственные интересы затрагиваются или могут быть затронуты этой деятельностью, и в связи с этим наделенных правами иременных обязанностями» в сфере уголовного судопроизводства [10, с. 124].

В последние годы в теории уголовного процесса предлагается рассматривать транспарентность более глобально, в качестве одного из принципов данного вида государственной деятельности, ее основополагающей идеи, «отражающей государственную политику в области уголовного судопроизводства» [14, с. 72]. Профессор М. П. Поляков, хотя и с высокой степенью скептицизма, охарактеризовал транспарентность как возможную «технологическую и идеологическую основу» уголовного процесса [15, с. 70]. В принципе соглашаясь с данным представлением о роли, значении транспарентности в уголовном судопроизводстве, считаем возможным рассматривать ее как «процессуальную основу открытого, доступного и справедливого уголовного судопроизводства в целом... как явление, позволяющее обществу контролировать данную сферу государственной деятельности, давать объективную оценку ее результатов и, как следствие, способствующее формированию доверия населения к уголовному судопроизводству, и поэтому находящееся в прямой коррелирующей зависимости с проблемами достижения его социального назначения» [16, с. 111]. Полагаем, что создание точно выверенной модели транспарентности и ее реализация в уголовно-процессуальном законодательстве даст возможность изменить и саму модель развития уголовного судопроизводства, по крайней мере в части выдвигания его приоритетов. Невозможно переоценить и социальную функцию транспарентности в повышении правовой грамотности населения, ее антикоррупционную роль и роль в обес-

печении права граждан на участие в уголовном судопроизводстве.

Высокая значимость концепции транспарентности уголовного судопроизводства сегодня обусловлена становлением России как «государства открытого доступа» и, как следствие, изменением характера взаимодействия, взаимосвязей между государством и личностью. Вместе с тем трудно не согласиться с М. П. Поляковым в том, что транспарентность уголовного судопроизводства «должна оцениваться с точки зрения не только ее пользы, но и угроз государственным интересам». По мнению автора, речь идет «не только о вреде индивидам в масштабах конкретного уголовного дела, но и об уроне в более широких, даже государственных масштабах», если уголовный процесс будет доведен «до полной прозрачности в самом запредельном варианте» [15, с. 72].

Кроме того, в настоящее время «общественная репутация» уголовного судопроизводства, как правило, складывается лишь под влиянием так называемых резонансных уголовных дел. В целом же уголовное правосудие, по мнению автора, обществу малоинтересно [15, с. 74]. И есть ли в такой ситуации необходимость информировать о нем граждан без соответствующего общественного запроса? Нужно ли это вообще уголовному судопроизводству, важнейшим достоинством которого является правозащитная составляющая?

Однако подобные опасения М. А. Полякова представляются нарочито преувеличенными. Концепция транспарентности — это, прежде всего, нахождение *оптимального баланса* открытости, доступности и прозрачности информации и тайны производства по уголовным делам, что позволит обеспечить безопасность личности, общества и государства, эффективное противодействие преступности и одновременно общественный контроль за данной сферой государственной деятельности, а также, что немаловажно, ее должное профилактическое воздействие.

Безусловно, реализация транспарентности в уголовном судопроизводстве испытывает регулятивное воздействие таких общих условий досудебного и судебного производства, как недопустимость разглашения тайны предварительного расследования и гласность судебного разбирательства, устанавливающих пределы реализации права участников уголовного процесса и широкой общественности на получение указанной информации. Однако закон не устанавливает границы такого допустимого разглашения, оставляя решение этого вопроса на усмотрение властных участ-

ников процесса. В ситуации подобных нормативных предписаний сведения о ходе и результатах досудебного производства нередко искусственно блокируются должностными лицами, его осуществляющими, и не только с целью обеспечить раскрытие преступления и установление виновного лица, но и из-за стремления скрыть свои ошибки, волокиту, допущенную по делу.

Осуществление же общественного контроля за правоохранительными органами и судом не просто повышает правовую грамотность населения, но и выступает как гарантия использования механизма судебной защиты заинтересованными участниками процесса, способствует обеспечению справедливости самого судебного разбирательства, росту доверия населения к результатам деятельности следственных и судебных органов.

Как уже отмечалось, в основе воплощения концепции транспарентности уголовного судопроизводства лежит требование понятности информации о деятельности компетентных государственных органов. Для того чтобы общество могло осуществлять контроль за деятельностью таких органов, данный вид государственной деятельности должен осуществляться точно по установленным правилам и процедурам, справедливость и значимость которых понятна населению. Как верно отмечено, «тщательное соблюдение уголовно-процессуальной процедуры предполагает... получение истинного результата» [17, с. 125], а понимание и «доверие к примененной процедуре презюмирует доверие к полученным результатам» [10, с. 123].

Безусловно, осуществляемая государством уголовная политика становится эффективной, только если она получает поддержку со стороны общественности. А это возможно, прежде всего, в случае точной законодательной формулировки правового и социального назначения уголовного судопроизводства, которое призвано обеспечить законность и правопорядок в стране, удовлетворяя при этом интересы государства, общества и отдельной личности. Восприятие обществом справедливости и полезности уголовного судопроизводства, общественное признание приоритетной важности данного вида деятельности во многом зависит от установления в уголовно-процессуальной сфере равновесия, баланса интересов личности и государства.

Публичное (государственное) начало уголовного судопроизводства основано на потребности любой страны обеспечить свою безопасность, безопасность всего общества и граждан от преступных

посягательств. Но действующий российский уголовно-процессуальный закон в качестве назначения уголовно-процессуальной деятельности провозгласил в первую очередь «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Вместе с тем, говоря о преваляции прав и свобод человека, признании их безусловной ценностью, которой должны быть подчинены все виды государственной деятельности, все государственные и общественные институты, законодатель в ч. 2 ст. 6 УПК РФ все же отметил, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». В этой законодательной формулировке, возможно, не слишком четко, но все же отражена констатация того, что хотя частные интересы участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты являются объективно противоречивыми, но публичный интерес по обеспечению правопорядка и безопасности государства и общества является единым, консолидирующим интересы граждан, общества и государства.

Если говорить о российской правовой действительности, то для нее характерно ярко выраженное укоренение в сознании населения правового нигилизма и, в частности, представления об уголовном судопроизводстве как исключительно карательной процедуре, закрытой и нередко несправедливой сфере государственной деятельности, где интересы личности жестко ограничиваются в угоду публичным, государственным интересам [18, с. 39—53]. К сожалению, некоторые из законодательных изменений, внесенных в УПК РФ в последние годы, дают определенные основания для такого рода представлений. В стремлении к гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, к сокращению карательного потенциала мер государственного принуждения, к оптимизации уголовно-процессуальных процедур, упрощению уголовного судопроизводства законодателю не всегда удается в полной мере обеспечить баланс интересов личности, общества и государства. Некоторые законодательные институты поощрительной направленности (например,

прекращение уголовных дел с применением судебного штрафа или приостановление или прекращение уголовного преследования в отношении лиц, принимающих участие в специальной военной операции) реализованы с ярко выраженным публичным окрасом без полноценного учета интересов потерпевших, что явно противоречит назначению уголовного судопроизводства.

Понимая значимость подобных нововведений, внесенных в уголовный и уголовно-процессуальный законы, с точки зрения обеспечения публичных, государственных интересов невозможно не отметить откровенное пренебрежение законодателем интересами потерпевшего, которые вообще оказались за рамками такой «сделки» между обвиняемым и государством. Потерпевший оказался полностью исключенным из механизма принятия решения о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу в указанных случаях. И это при том, что защита интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве также осуществляется исходя из принципа публичности, является важнейшей составной частью государственного интереса по достижению назначения уголовного судопроизводства.

Концепция транспарентности уголовного процесса, вбирающая в себя его социальную сущность, способна составить основу открытого, доступного и справедливого судопроизводства. Она предполагает доступность для населения результатов уголовно-процессуальной деятельности в четко очерченных границах института следственной тайны, гарантирующей защиту информации, раскрытие которой способно нанести вред не только интересам расследования преступлений, но и правам и законным интересам участников уголовного процесса. Безусловно, воплощение идеи полной открытости деятельности государственных органов и должностных лиц при производстве по уголовным делам стало бы серьезным препятствием к обеспечению жизненно важного интереса государства по установлению контроля над преступностью, угрозой обеспечению безопасности общества в целом, привело бы к нарушению прав и свобод участников процесса.

Таким образом, концепция транспарентности уголовного судопроизводства предполагает не только прозрачность и подотчетность деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, но и уважение интересов и свобод участников уголовного процесса, основанных на базовых международных стандартах в области

прав человека, а также справедливость уголовно-процессуальных процедур. А это, в свою очередь, является неотъемлемым условием достижения баланса интересов личности, общества и государства.

В современных условиях важнейшим средством обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства выступает его цифровизация, цифровая трансформация. Как отмечает М. П. Поляков, «цифровизация и транспарентность, по сути, становятся идеологическими побратимами, настойчиво стремясь сделать жизнь не только отдельных граждан, но и государства прозрачной и наблюдаемой» [15, с. 72]. Действительно, цифровые технологии сегодня прочно вошли во все сферы государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство. Появилось множество различных цифровых сервисов, обеспечивающих быстрое получение информации по любому вопросу. Но невозможно не признавать того, что, реализуя Концепцию технологического развития страны¹, Россия обеспечивает национальные и государственные интересы и одновременно — права граждан на доступ к правосудию, на осуществление контроля за публичной деятельностью государственных органов. Отрицание необходимости последнего под предлогом того, что цифровизация лишает общество традиционных для него тайн, делает прозрачной жизнь каждого гражданина, означает нежелание признавать реалии и социального, и технологического развития современного общества и государства.

В настоящий момент в теории уголовного процесса, информационного права и, как следствие, у законодателя отсутствует единое понимание сущности таких процессов, как цифровизация, цифровая трансформация. Мы в полной мере разделяем мнение А. Ю. Чуриковой, что под цифровизацией следует понимать «использование существующих и внедрение новых цифровых технологий с целью повышения эффективности и результативности деятельности участников уголовного процесса», а под цифровой трансформацией уголовно-процессуальной деятельности — «процесс комплексного преобразования, фактической

---

¹ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

реализации и правового регулирования деятельности участников уголовного судопроизводства, проходящий под воздействием цифровых технологий и инноваций, направленный на повышение эффективности, качества и доступности процессов, связанных с производством по уголовному делу на всех его этапах, а также на оптимизацию взаимодействия компетентных государственных органов и должностных лиц между собой, с иными лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство, и населением» [19, с. 17—18].

Тем не менее цифровизация уголовного судопроизводства из «дискуссионной проблемы науки» становится пока скромной, но все же реалией его осуществления. В уголовно-процессуальное законодательство в последние годы были внесены изменения, связанные с внедрением в уголовное судопроизводство некоторых цифровых технологий: была законодательно урегулирована возможность применения систем видео-конференц-связи при проведении ряда следственных действий¹ и для участия в судебном разбирательстве подсудимого, потерпевшего, свидетелей²; обвиняемому, защитнику, потерпевшему была предоставлена возможность получать копию обвинительного заключения в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью³; была предпринята попытка урегулировать порядок использования электронных документов в ходе досудебного и судебного производства⁴. Однако, как справедливо отмече-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.07.2025).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.07.2025).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.07.2025); О внесении изменений в Уголовно-процессуальный ко-

но, все это лишь точечные изменения, носящие «частный, узконаправленный характер и принципиально не решающие вопросы использования современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве», в том числе для обеспечения его транспарентности [20, с. 58].

Применительно к обеспечению транспарентности уголовного судопроизводства наибольший интерес представляют проблемы его информатизации как процесса формирования необходимого уровня доступности информации и информационного взаимодействия при осуществлении уголовного судопроизводства, которые тесно взаимосвязаны с цифровой трансформацией уголовно-процессуальной деятельности.

Как уже отмечалось, пока законодатель не выработал единого подхода к сущности этих процессов и способам их обеспечения в уголовном судопроизводстве. В настоящее время это осложняется и ведомственным подходом к осуществлению информатизации и цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности, порождающим неравномерный уровень этих процессов в различных органах, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, а также недостаточным уровнем компетентности их сотрудников в области использования информационных технологий и систем и их высокой загруженностью.

На наш взгляд, самого пристального внимания законодателя заслуживает мнение, что основным направлением развития цифровизации и цифровой трансформации уголовного судопроизводства может стать создание «цифровой экосистемы, основанной на продвижении и интеграции уже функционирующих, территориально распределенных автоматизированных информационных систем и ресурсов» [20, с. 20], позволяющей осуществлять взаимодействие доступными для населения способами, используя для обмена и передачи данных Единый портал государственных и муниципальных услуг, Систему межведомственного электронного взаимодействия, а также официальные информационные ресурсы государственных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

декс Российской Федерации: федер. закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Там же.

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

2. Философский словарь / ред. И. Т. Фролов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Политиздат, 1991. 560 с.

3. Гунин Д. И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 174 с.

4. Ковалева Е. В. Обеспечение транспарентности органов местного самоуправления современной России в процессе информатизации политического управления: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2010. 222 с.

5. Малько Е. А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11. С. 2—7.

6. Тарасов А. А. О транспарентности российского правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 109—114.

7. Коробка Л. Е. Факторы, влияющие на развитие принципа транспарентности в экологическом праве // Аграрное и земельное право. 2017. № 10 (154). С. 111—115.

8. Кожушко С. В. Принцип транспарентности бюджетного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 33 с.

9. Тованчова Е. Н. Транспарентность как метод исключения двойных стандартов в анализе социально-политических процессов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 239—245.

10. Павленков Р. В., Колосович М. С. Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120—132.

11. Абросимова Е. Транспарентность правосудия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 142—152.

12. Тарасов А. А. Транспарентность правосудия — важный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 15—20.

13. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 50 с.

14. Аширбекова М. Т. Принципы уголовного судопроизводства: их сущностные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство:

1. The large explanatory dictionary of the Russian language. Comp. and red. by S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint; 2000: 1536. (In Russ.).

2. The philosophical dictionary. Red. by I. T. Frolov. The 6th ed., rev. and add. Moscow: Politizdat; 1991: 1991. (In Russ.).

3. Gunin D. I. Transparency and secrecy of information: theoretical and legal aspect. Dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2008: 174. (In Russ.).

4. Kovaleva Ye. V. Ensuring transparency of local government bodies of modern Russia in the informatization process of political management. Dissertation of candidate of political sciences. Saratov; 2010: 222. (In Russ.).

5. Malko Ye. A. Transparency of justice as a priority of the Russian civil procedural legal policy. Arbitration and civil procedure, 2—7, 2013. (In Russ.).

6. Tarasov A. A. On the transparency of Russian justice. Library of the criminalist, 109—114, 2012. (In Russ.).

7. Korobka L. Ye. Factors influencing the development of the transparency principle in the environmental law. Agrarian and land law, 111—115, 2017. (In Russ.).

8. Kozhushko S. V. The principle of budget law transparency. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2021: 33. (In Russ.).

9. Tovanchova Ye. N. Transparency as a method of eliminating double standards in the socio-political processes' analysis. State and municipal administration. Scientific notes, 239—245, 2014. (In Russ.).

10. Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S. Transparency of activities of criminal proceedings authorities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—132, 2024. (In Russ.).

11. Abrosimova Ye. Transparency of justice. Constitutional law: East European review, 142—152, 2002. (In Russ.).

12. Tarasov A. A. Transparency of justice is an important characteristic of a law-governed state. Law-governed state: theory and practice, 15—20, 2013. (In Russ.).

13. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 50. (In Russ.).

14. Ashirbekova M. T. Principles of criminal proceedings: their essential features, characteristics

современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юбилею проф. А. В. Гриненко. Москва: МГИМО МИД России, 2016. С. 69—74.

15. Поляков М. П. Принцип транспарентности в уголовном процессе: мнения и сомнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 69—76.

16. Манова Н. С., Слесивов Н. В. Защита прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве: эффективность правовой политики и перспективы ее совершенствования // Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права: монография / под ред. А. Ю. Соколова. Москва: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 104—118.

17. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 442 с.

18. Манова Н. С., Лавнов М. А., Чурикова А. Ю. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 39—53.

19. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с.

20. Чурикова А. Ю. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. С. Мановой, д-ра юрид. наук, проф. С. Е. Чанова. Москва: ДМК Пресс, 2024. 308 с.

Манова Нина Сергеевна,

заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор;
n.manova@mail.ru

and system. In: Criminal proceedings: current state and main directions for improvement. Collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of full prof. A. V. Grinenko. Moscow: MGIMO MID of Russia; 2016: 69—74. (In Russ.).

15. Polyakov M. P. Transparency principle in criminal proceedings: opinions and doubts. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 69—76, 2024. (In Russ.).

16. Manova N. S., Spesivov N. V. Protection of rights and legitimate interests in criminal proceedings: effectiveness of legal policy and prospects for its improvement. In: Public power: correlation between judicial and extra-judicial methods of right protection. Monograph. Red. by A. Yu. Sokolov. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2024: 104—118. (In Russ.).

17. Polyakov M. P. Criminal procedural interpretation of the results of detective activities. Dissertation of doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2002: 442. (In Russ.).

18. Manova N. S., Lavnov M. A., Churikova A. Yu. Modern criminal policy, criminal proceedings improving and prosecutor's activity model: problems of interconditionality. Legal policy and legal life, 39—53, 2021. (In Russ.).

19. Churikova A. Yu. Using information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov; 2024: 48. (In Russ.).

20. Churikova A. Yu. Information technologies in criminal proceedings. Red. by doctor of juridical sciences, full prof. N. S. Manova; doctor of juridical sciences, full prof. S. Ye. Chanov. Moscow: DMK Press; 2024: 308. (In Russ.).

Manova Nina Sergeevna,

head of the department of criminal procedure of the Saratov State Law Academy,
doctor of juridical sciences, full professor;
n.manova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.05.2025; одобрена после рецензирования 11.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 03.05.2025; approved after reviewing 11.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *